

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ: Беседа с композитором • Фильм Эльдара Рязанова • Современные

ДИАЛОГ

ВОЗВРАЩАТЬСЯ К ИСТОКАМ

НЕ ТАК ДАВНО В БАШКИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИЛАРМОНИИ СОСТОЯЛСЯ ВЕЧЕР НАРОДНОГО АРТИСТА СССР З. Г. ИСМАГИЛОВА. ЛЮБИТЕЛИ МУЗЫКИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ТВОРЧЕСТВОМ КОМПОЗИТОРА ВО ВСЕМ ЕГО МНОГООБРАЗИИ ОТ ПЕСЕННОГО ДО ОПЕРНОГО ЖАНРА. В ЭТИ ДНИ ОН ЗАВЕРШАЕТ НОВУЮ ОПЕРУ О БАШКИРСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЕ И ПОЭТЕ МИФТАХЕДИНЕ АКУМЛЛЕ. ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР, ПРОФЕССОРОМ, РЕКТОРОМ ИНСТИТУТА ИСКУССТВ З. Г. ИСМАГИЛОВЫМ ПОБЕСЕДОВАЛ ПИСАТЕЛЬ ЯНЫБАЙ ХАММАТОВ.

— Загир Гарипович, что послужило толчком к написанию оперы?

— Конечно же, личность Акмуллы — человека, который страстно желал своему народу пробуждения от векового сна. Его поэзия вобрала столетиями накопленную его земляками мудрость, юмор, оптимизм. Нам надо чаще обращаться к истокам, к истории своей родины. Там наши деды и прадеды. Когда обращаешься к прошлому, по-новому видишь и настоящее.

— История нашего края действительно очень богата и интересна, и событиями. На земле Башкирии происходили ожесточенные классовые битвы.

— Ваши книги «Золото собирают», «Грозное лето», «Юргашты», «Руда» и некоторые другие, по-моему, написаны на материале нашего края?

— В основном, да.

— И мне приходилось с ма-

лых лет постоянно слышать рассказы о тех событиях, о походах Пугачева, Салавата Юлаева, легендарном рейде Блюхера в годы гражданской войны, слушал посвященные им песни, мелодии курая.

— Загир-агай, отразилось ли все это в Вашем творчестве? Как началась Ваша музыкальная жизнь?

— Свое творчество я не могу представить в отрыве от моей родной Агидели, на берегу этой реки некогда, по преданию, плясал Салават Юлаев, без гор и лесов Яндыка. Моя родная деревня Верхне-Сермеево с давних времен славилась искусством певцов и кураистов. Звуки гармонии и курая, хороводы деревенского праздника, увлекательный народный танец, протяжные узун-кой или веселые такмаки были частицей привычного быта. Подражая людям нашего села, я сам пел народные песни и сочинял свои. Но в них не было ни слов, ни ясно обозначенной мелодии, ни ритма. В них было только чувство, в соответствии с моим настроением звучали ярость или радость. Каждый раз, как только я заканчивал петь сочиненную мною песню, сразу же чувствовал успокоение. Будто с ее звуками улетало все, что не давало покоя. Еще тогда мне казалось: звуки, вырвавшись на свободу, освобождали мою душу. Я чувствовал, что в один миг природа переживала радость обновления. И эта радость овладевала мною настолько сильно и властно, что у меня каждый раз перехватывало дыхание. Всеположающее чувство росло, ширилось, рвалось на волю. Оно бу-

шевало в каких-то смутных и неуловимых напевах. Я ясно слышал их своим внутренним слухом, хотя и не подозревал о существовании его. Но излить их я не мог. Оттого часто страдал.

— Как же избавились от такого страдания?

— Помог курай. Овладев этим обыкновенным тростниковым инструментом, я получил возможность воплотить в звуках переполнявшие меня чувства. С восьми лет курай стал для меня живым существом, одухотворенным чародеем. Чем дальше, тем больше музыка становилась потребностью, neodолжимой частью моей жизни.

Позже, работая кураистом в Башкирском академическом театре драмы, вместе с народным артистом БАССР Гиниятом Ушаевым и композитором Газизом Альмухаметовым, я убедился, что мне необходимо получить настоящее музыкальное образование. И вот толком даже не зная нот, поехал учиться в Башкирскую студию при Московской государственной консерватории имени Петра Чайковского. Там я полюбил музыку по-настоящему. Каждую свободную минуту отдавал ей.

— Нелегко, наверное, было все начинать с азов, ведь Вам уже было больше двадцати!

— На первых порах, действительно, пришлось тяжело. Каждый день, возвращаясь из консерватории, вместо того, чтобы свободный вечер веселиться где-нибудь, как это делали мои товарищи, я запирался в комнате и играл снова и снова... Однажды довел себя до такого утомления и истощения, что закружилась

голова и не подчинялись клавиши рояля. Но труд никогда не тяготил меня. Он всегда приносил радость и успокоение. После многих часов, проведенных за роялем, когда не разгибая спины, слушаешь и, кажется, до полной одури повторяешь одну и ту же фразу или виртуозный пассаж (фигура), я мигом засыпал и просыпался на том же самом боку, на котором заснул. Спал без снов. Таким освежающим тело и душу сном спят лесорубы.

В первый же год учебы в консерватории сумел подчинить себе музыкальный инструмент. Мои пальцы — пальцы лесоруба Белорецкого леспромхоза, как бы получили свое трудовое продолжение в клавишах и клавирах, послушно повинуюсь музыке, выражая любое движение ее души.

На третьем курсе консерватории для меня уже не существовало технических трудностей, и я сам сочинял песни на стихи башкирских поэтов Сайфи Кудаша, Баязита Бикбая, Кадыра Даяна и других. Часто ездил в свою родную деревню, старался вникать в бесконечно близкие мне звуки старинной башкирской песни, народного исполнительства, внимательно прислушивался к интонациям татарского, русского фольклора.

В годы Великой Отечественной войны появились мои патристические и лирические песни: «Сынам родины», «Комсомолка Муршида», «Последнее письмо», «Девушке родины», «Песня батыра», «Ты не вернулся», «Шаймуратов-генерал», «Слава победителям» и многие другие.

Сегодня, почти через сорок лет после Великой Победы, по вине американских империалистов вновь нависла угроза войны. Нам еще предстоит одержать победу над тем чудовищным злом, которое, если его вовремя не укротить, может навсегда сбросить человечество в бездну.

— Да, всем нам, и каждому на своем месте, назначено внести в борьбу за мир свой вклад. Земледелцам — новыми миллионами хлеба, мяса, молока. Космонавтам — стремительными витками вокруг земного шара по орбитам дерзновенных поисков и открытий.

Но есть в этом ряду еще одна, непереводимая в тонны или километры величина, без которой вряд ли сегодня можно себе представить полную и окончательную победу в этой борьбе. Речь идет о службе вечнодействующего и неотразимого по своей меткости слова на перехвате этой угрозы на дальних и близких подступах к Родине. О месте, которое принадлежит советской литературе — и только ей, — в решающей схватке добра со злом за умы и сердца миллионов людей на земле, за спасение всего человечества от угрозы гибели в термоядерной топке.

— Конечно, и теперь уже можно перечислить немало названий книг, которые в великом походе за вечный мир на планете стали надежными и верными помощниками людей. Все самое талантливейшее, что сегодня есть в нашей литературе, так или иначе овеяно тревогой о будущем наших детей и внуков.

Из всего, что я сделал в об-

ласти музыки, мне наиболее дороги либретто для опер и стихи для песен, потому что в них — слово. А слово, когда сливается с музыкой, становится всемогуще в передаче образного мира. В этом отношении многое зависит от наших литераторов. Если они напишут высокохудожественным, страстным словом новые книги, сценарии, либретто, стихи, то мы, композиторы, сумеем создать новые оперы и песни, направленные на острие самой жгучей проблемы современности. Скажу прямо: без хорошего либретто — нет оперы, без хороших стихотворений — нет песни, доходящей до умов и сердец людей.

Моя первая опера «Салават Юлаев» появилась благодаря драматической поэме известного поэта Баязита Бикбая «Салават». Я рукоплескал этой книге, так как нашел то, что волновало и меня. Там были и мои мысли, и мои чувства. Так в сотрудничестве с поэтом Баязитом Бикбаем появилось либретто и опера «Салават Юлаев». За нею были написаны и остальные мои четыре оперы: «Шаура», «Кодаса», «Волны Агидели» (на либретто народного поэта Башкирии Мустая Карима) и «Послы Урала».

Свою новую оперу о башкирском просветителе и поэте Мифтахетдине Акмулле пишу по либретто заслуженного артиста РСФСР кураиста Дельмухаметова, недавно скончавшегося. Это была его вторая работа. Я не сторонник точки зрения, утверждающей, что либретто должны писать только поэты. В искусстве важнее всего не профессия, а степень одаренности. По ней должен идти счет.